СЫНЪ.

Жена по мужѣ плачетъ — поводокъ шумитъ; сестра по братѣ — мелкимъ дождичкомъ; мать по сынѣ — тихой росой, да день за–день, утренней и вечерней зарей; нѣтъ родимаго дружка, супротивъ родной матушки; матерня молитва со дна моря вынимаетъ. Отцовское благословенiе напутствуетъ умомъ–разумомъ, а матернее душу въ сердце влагаетъ. Но и гнѣвъ оскорбленной матери страшенъ: отцовское проклятiе коренитъ (искореняетъ), а матернее сушитъ; весь свѣтъ пройдешь, а отъ него не уйдешь; въ могилѣ отъ него не скроешься и на томъ свѣтѣ оно тебѣ отзовется.

Былъ недобрый сынъ, жившiй одинъ съ матерью. Онъ остался сиротой отъ отца еще младенцемъ; мать вспоила и вскормила его, живучи сама въ нуждѣ, въ нищетѣ; она много лѣтъ билась одна, работала въ крестьянскомъ хозяйствѣ за двоихъ, за

бабу и за мужика; сама ѣла ль, не ѣла ль, а сынъ былъ сытъ. Она учила его всякому добру, что только сама знала, обувала, одѣвала, кругомъ обшивала — да въ бѣдѣ и сиротствѣ своемъ невмѣру его любила и причудамъ его потакала. Подростаетъ онъ — и стала у него память коротѣть со дня на день, не сталъ онъ помнить заботъ матери, а все съ нею зубъ–за–зубъ, ровно съ недругомъ, и за все, что ему неладно, пеняетъ на нея. Молчитъ мать, только ину пору поплакавъ, станетъ усовѣщивать его, да стыдить, что при чужихъ людяхъ онъ ей то и то сказалъ — такъ въ комъ совѣсть, въ томъ и стыдъ; а въ комъ совѣсти нѣтъ, нѣтъ и стыда. Много ли, мало ли, а все таки обиходное крестьянское хозяйство у нея было и ничего она для сына не жалѣла, а сталъ онъ, какъ подросъ, полнымъ хозяиномъ въ домѣ: возми, сказала она, то все твое, что отцовское было, что мое — все одно, все копили не для себя, а для тебя.

Сидятъ они разъ за ужиномъ; а сынъ въ этотъ день былъ сердитъ и ужъ не разъ принимался браниться съ матерью; а все

пуще вышло изъ–за того, что мать подала нищему ломоть хлѣба. Такъ сякъ, она успокоила его и все думаетъ: авось пройдетъ, надумается, вспомнитъ, что онъ мнѣ сынъ. Сѣли за ужинъ — онъ молчитъ, насупивъ брови, и какъ тянется ложкой къ горшку, такъ и то не глядитъ. Протянула мать руку — словно ложки ихъ столкнулись: мать выждала, сынъ досталъ щецъ и хлѣбнулъ — а самъ молчитъ; потянулась она опять — и въ другой разъ тоже; что такое это, подумала она, и всилу перевела духъ.... протянула руку въ третій разъ, а онъ ея ложку оттолкнулъ своею, такъ, что чуть не выбилъ ее изъ рукъ. Сынъ мой, Богъ съ тобою, сказала она, что ты это дѣлаешь? А онъ ей: будетъ съ тебя, полно; на тебя не напасешься эдакъ, а я не батракъ тебѣ, чтобъ на тебя работать, да тебя кормить. Старушка встала, положила ложку, перекрестилась, прошептала что–то и пошла вонъ. Только ее и видѣли; ночь была темная, никто изъ сосѣдей не случился видно на улицѣ, словомъ, никто

не зналъ и не видалъ, куда она пошла, куда дѣвалась; знать живая легла въ могилу.

Сынъ остался и не поглядѣлъ за нею вслѣдъ. Поди себѣ, подумалъ онъ, сшей суму, такъ авось еще годокъ прокормишься, и будетъ съ тебя. Не сто лѣтъ тебѣ жить, чужой вѣкъ заѣдать, пора и честь знать. Я хозяинъ дома, все добро отцовское наслѣдство и мое.

Между тѣмъ сынъ все хлебаетъ да хлебаетъ и рѣжетъ хлѣбъ, ломоть за ломтемъ. Погодя немного, принимаясь опять за ножъ, онъ подумалъ: Что за притча за такая, отчего я сего дня такъ проголодался? кажись обѣдалъ и полудновалъ какъ всѣ люди, и теперь поѣлъ за двоихъ — а все ѣсть хочется. Принялся опять; нѣтъ, словно порожнюю ложку въ ротъ несетъ; таки что ни укуситъ, да ни хлебнетъ — то пуще прежняго на ѣду позываетъ, ровно крещанскаго волка.

Покончилъ онъ горшокъ щей весь, нагнулъ его и поглядѣлъ туда, посвѣтивъ еще лучиной — все, нѣтъ ничего, а кажись было сварено на двоихъ, да еще и такъ,

чтобы утромъ стало на завтракъ. Пожалъ онъ плечами, отставилъ щаной горшокъ, да придвинулъ къ себѣ кашу — а его голодуха вотъ такъ и пробираетъ.... что за пропасть, подумалъ онъ, это словно диво какое: вонъ, полпирога хлѣба съѣлъ и щи выхлебалъ всѣ, а на брюхѣ равно третьи сутки ни крохи, ни капли не было....

Принялся онъ за кашу; сперва было положилъ масла, наклавъ ее въ чашку, а тамъ, видитъ что не беретъ эдакъ, пододвинулъ горшокъ, да давай его очищать — догорѣла лучина, того гляди погаснетъ, хозяинъ мой въ потьмахъ останется — такъ не сможетъ отъ каши оторваться, такъ его и тянетъ на ѣду; покосился еще на лучину, ухватилъ ломоть хлѣба на дорогу, выскочилъ изъ–за стола, да бѣгомъ къ свѣтцу; вставилъ новую лучину и опять на свое мѣсто.... захотѣлось ему пить, взялъ жбанъ квасу, какъ приставилъ къ губамъ, такъ все бычкомъ и осушилъ разомъ, а самъ кричитъ: пить хочу!.... опять ухватилъ ложку, да въ горшокъ — только постукиваетъ; пусто.

Онъ за краюху, да давай ее уписывать, только сопитъ.... покончилъ, глядитъ въ обѣ ладони — нѣтъ ничего, а ѣсть хочется до смерти; а пить — такъ вотъ и палитъ и жжетъ.... какъ кинется онъ вонъ изъ своей избы, да къ сосѣдямъ подъ окно: дайте христа–ради хлѣбца! — тѣ смотрятъ — кто это? — Андрей? – Онъ и есть; дайте хлѣбца.... тутъ дѣвка идетъ съ ведрами отъ колодца, несетъ воду; онъ какъ кинется на нее: дай испить! — Пей, говоритъ она, на здоровье, и остановилась.... Пьетъ мой Андрей, какъ быкъ, пыхтитъ, а легче нѣтъ; опорожнилъ ведро, дѣвка насилу удержала коромысло на плечѣ, потому что другое ведро взяло было перевѣсъ.... Да ты бы, Андрей, говоритъ она ему, ходилъ на водопой, что ли; а то на тебя такъ не напасешься; не батрачка я на тебя работать, воду ведрами носить....

Кинулся онъ опять подъ окно, проситъ хлѣба; ему подали, да и смотрятъ въ окно, что будетъ изъ этого, что сосѣдъ Андрей подъ окнами побирается, хлѣба проситъ.... онъ не успѣлъ съѣсть ломоть, держитъ его

одной рукой, а другую ужъ протягиваетъ: подайте еще! А, чтобъ тебя разорвало, сказала сосѣдка, поди къ чорту, и затворила окно.

Андрей къ другой избѣ, къ третьей — и вездѣ тоже; что больше ѣсть, то больше хочетъ; а пьетъ, пьетъ — хоть въ него бадьями лей. Стали гнать его то одинъ, то другой; говорятъ: Андрей взбѣсился, всю ночь напролетъ выходилъ по селу, никому спать не далъ, все проситъ хлѣба; а къ колодцу подошелъ, такъ вотъ черпакъ за черпакомъ, ровно ложкой хлебаетъ, пилъ безъ устали до расвѣта, и побѣжалъ опять просить хлѣба....

Тогда только Андрей нашъ спохватился матери; тогда–то онъ принялся за нею причитывать и чествовать ее родною и родимою, кормилицей, и всѣми ласками, какія со страху могъ прибрать; да нѣтъ ее; никто ее не видалъ, никто не зналъ и не слышалъ, куда она дѣвалась....

Андрей ходилъ такъ до старости и всѣ люди гоняли его отъ себя, какъ гоняютъ чужую собаку, потому что онъ оставался

равно ненасытнымъ, хоть суй ему за щеку монастырскую ковригу, хоть не давай ничего. Люди привыкли къ этому, приложили ему прозвище *ненасыти*, ненасытной утробы, и дѣвки, идучи по воду, отгоняли его отъ себя хворостиной, потому что не могли напастись и наносить на него воды. Онъ ѣлъ все, что ни попадалось ему на улицахъ подъ–ноги, солому, отопки, навозъ, и пилъ по цѣлымъ суткамъ въ припадку изъ лужь и водояминъ. Завыванье голоса его раздавалось по ночамъ, отъ зари до зари, когда онъ, истомленный голодомъ и жаждой, гонимый отовсюду, поносимый всѣми, призывалъ въ отчаяніи безъ вѣсти пропавшую мать свою, ублажая ее всѣми извѣстными ему ласковыми словами.

Что было дальше съ Андреемъ, какъ и гдѣ скончался — этого мы не знаемъ; но есть еще другое, подобное преданіе, которое говоритъ о томъ, что было съ такимъ сыномъ по смерти.

Въ одномъ мѣстѣ стали строить на кладбищѣ церковь, выбравъ для этого такое

мѣсто, гдѣ похоронены были покойники съ незапамятныхъ временъ и уже могилки почти всѣ сравнялись съ землею. Стали рыть канавы подъ закладку и натыкаясь мѣстами на гробы, увидѣли, что всѣ они погнили уже до тла, а труповъ почти и слѣдовъ не осталось, развѣ только кой–гдѣ была разсыпчатая, какъ сама земля, косточка. Но вдругъ работники стали: они дорылись до гроба, который былъ еще цѣлъ и твердъ. Велѣли обрыть его и осторожно вынуть. Когда стали его подымать, то крышка свалилась — видно деревянные гвозди сгнили и — работники съ испугу едва не уронили гробъ: мертвецъ лежалъ цѣлъ и свѣжъ, будто былъ погребенъ сегодня, только на лицо его было страшно смотрѣть: это было лицо человѣка въ страшныхъ, невыразимыхъ мукахъ. Много народу сошлось, всѣ смотрѣли и крестились — но никто не могъ узнать покойника, никто такого человѣка не могъ припомнить, и даже старики, сѣдые какъ лунь, пожимали плечами, глядя на этого неизвѣстнаго страдальца, и говорили: нѣтъ; на нашей

памяти такого человѣка у насъ на селѣ не бывало. Стали смотрѣть его ближе — а у него руки сложены и связаны женской косой.... что это значитъ, кто что слышалъ, братцы, про такое диво, и за чѣмъ у покойника руки связаны косой, а въ косѣ видѣнъ кой–гдѣ сѣдой волосъ?.... Много народу сходилось изъ ближнихъ мѣстъ, много смотрѣли на покойника — никто ничего не могъ разгадать.

Вдругъ выходитъ изъ толпы старушка, ветхая, сухая, которой люди считали болѣе ста лѣтъ — а сама она давно счетъ годамъ своимъ потеряла — старушка, которая ужъ лѣтъ десятокъ почти не слѣзала съ печи — подошла къ покойнику, опершись на клюку свою, плюнула и отошла прочь. Народъ приступилъ къ ней: бабушка говори, кто такой это?

А это сынъ мой, сказала она; онъ померъ давно — еще вотъ Тимохи въ тѣ поры на свѣтѣ небыло — а Тимоха стоялъ рядомъ со старухой, и по виду былъ чуть ли не ровня ей годами; — это сынъ мой: онъ держалъ меня у себя не какъ мать родную,

а какъ закабаленную работницу свою, попрекая каждымъ кускомъ хлѣба и стращая день–денской, что сгонитъ со двора. Разъ онъ осерчалъ на меня, ужъ я и забыла за что, вскинулся, напустился, вскочилъ съ мѣста, ударилъ, да еще опростоволосилъ и потаскалъ за косу. Я подступила къ нему и только посмотрѣла ему прямо въ глаза: онъ присмирѣлъ, оробѣлъ, замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ, и повѣсивъ голову, тутъ же передо мной сѣлъ на лавку. Я взяла ножъ, отрѣзала сѣдую косу свою и сказала: подай же сюда окаянныя руки свои, я ихъ свяжу, чтобъ они у тебя впередъ на мать не поднимались. Онъ протянулъ мнѣ руки, я ихъ сложила, связала косой своей и сказала: ни комубъ ея безъ меня не развязать. Онъ молча прилегъ на лавку и Богу душу отдалъ; я его такъ и похоронила. Вотъ онъ и лежитъ, какъ лежалъ тогда.

Народъ сталъ просить старуху, чтобъ она сына простила и развязала ему руки: ты видишь, что съ нимъ дѣлается, — и сколько десятковъ лѣтъ онъ за грѣхи свои

мучится.... Долго она не хотѣла снять проклятіе свое; тогда стали уговаривать ее и увѣщевать: матушка, вѣдь и тебя оттого земля не примаетъ, что Господь карать тебя не хочетъ, а грѣхъ и на тебѣ есть, ты грѣха сыну не прощаешь; отъ этого ты вотъ и ходишь на землѣ, какъ живой мертвецъ.... прости его! Наконецъ ее упросили; она подошла ко гробу и сама костлявыми, дрожащими руками своими развязала косу, сказавъ: «Господь съ тобой, я тебя прощаю» — и въ тотъ же мигъ покойникъ и самый гробъ его разсыпался въ прахъ; старуха же присѣла, перекрестилась, потребовала попа и тутъ же спокойно скончалась. Весь народъ изумился; собрали прахъ сына и похоронили вмѣстѣ, въ одномъ гробѣ съ матерью, насыпавъ надъ ними небольшую могилу — и много лѣтъ спустя, отцы и матери приводили на это мѣсто непокорныхъ дѣтей, и тутъ разсказывали имъ, что нѣкогда случилось со старухой и сыномъ ея.

В. ДАЛЬ.